

ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: К ВОПРОСУ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Т. В. ЛИСОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Систематизированы существующие подходы к номинации евангельско-баптистского движения в исторических исследованиях, и обоснован выбор термина, наиболее релевантно отражающего генезис, эволюцию и конфессиональную идентичность движения в контексте религиозной истории Беларуси. Выявлено, что особенностью номинации протестантских течений является множественность подходов. Установлено, что в научном и общественно-политическом дискурсе к евангельско-баптистскому движению применяются термины «секта», «поздний протестантизм», «неопротестантизм» и «новые религиозные движения». Сделан вывод о том, что для исторических исследований, в рамках которых изучаются генезис, эволюция и институциональное оформление евангельско-баптистского движения в Беларуси в XIX–XXI вв., наиболее релевантным является термин «поздний протестантизм», который фиксирует место евангельско-баптистского движения в историческом развитии протестантизма, обозначает хронологические рамки его возникновения (XVII–XIX вв.), не имеет оценочной коннотации и позволяет разграничить евангельско-баптистское движение, неопротестантизм и новые религиозные движения конца XX в. Данный термин обеспечивает научную объективность и учитывает динамику институционального развития евангельско-баптистского движения от сектантской формы до деноминации.

Ключевые слова: Беларусь; поздний протестантизм; неопротестантизм; новые религиозные движения; евангельско-баптистское движение; секта.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского государственного университета (грант ректора Белорусского государственного университета на 2023–2026 гг.).

ЕВАНГЕЛЬСКА-БАПТЫСЦКІ РУХ У БЕЛАРУСІ Ў ГІСТАРЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ: ДА ПЫТАННЯ ТЭРМІНАЛАГІЧНАГА ДЫСКУРСУ

Т. В. ЛІСОВСКАЯ^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Сістэматызаваны існуючыя падыходы да намінацыі евангельска-баптысцкага руху ў гістарычных даследаваннях, і абгрунтаваны выбар тэрміна, які найбольш рэлевантна адлюстроўвае генезіс, эвалюцыю і канфесійную ідэнтычнасць руху ў кантэксце рэлігійнай гісторыі Беларусі. Выяўлена, што асаблівасцю намінацыі пратэстанцкіх плыней з'яўляецца множнасць падыходаў. Устаноўлена, што ў навуковым і грамадска-палітычным дыскурсе да евангельска-баптысцкага руху прымяняюцца тэрміны «секта», «позні пратэстантызм», «неапратэстантызм» і «новыя

Образец цитирования:

Лисовская ТВ. Евангельско-баптистское движение в Беларуси в исторических исследованиях: к вопросу терминологического дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;2:22–32.
EDN: IMONDC

For citation:

Lisouskaya TV. The Evangelical Baptist movement in Belarus in historical research: towards the question of terminological discourse. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;2:22–32. Russian.
EDN: IMONDC

Автор:

Татьяна Витальевна Лисовская – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени, заместитель декана по науке и международному сотрудничеству исторического факультета.

Author:

Tatyana V. Lisouskaya, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus and deputy dean for science and international cooperation, faculty of history.
lisouskaya@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-5562-8466>

рэлігійных руху». Зроблена выснова аб тым, што для гістарычных даследаванняў, у рамках якіх вывучаюцца генезіс, эвалюцыя і інстытуцыйнае афармленне евангельска-баптыскага руху ў Беларусі ў XIX–XXI стст., найбольш рэлевантным з’яўляецца тэрмін «позні пратэстантызм», які фіксуе месца евангельска-баптыскага руху ў гістарычным развіцці пратэстантызму, азначае храналагічныя рамкі яго ўзнікнення (XVII–XIX стст.), не мае ацэначнай канатацыі і дазваляе размежаваць евангельска-баптысцкі рух, неапратэстантызм і новыя рэлігійныя рухі канца XX ст. Дадзены тэрмін забяспечвае навуковую аб’ектыўнасць і ўлічвае дынаміку інстытуцыйнага развіцця евангельска-баптыскага руху ад сектанцкай формы да дэнамінацыі.

Ключавыя словы: Беларусь; позні пратэстантызм; неапратэстантызм; новыя рэлігійныя рухі; евангельска-баптысцкі рух; секта.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (грант рэктара Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта на 2023–2026 гг.).

THE EVANGELICAL BAPTIST MOVEMENT IN BELARUS IN HISTORICAL RESEARCH: TOWARDS THE QUESTION OF TERMINOLOGICAL DISCOURSE

T. V. LISOUSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article systematises existing approaches to the nomination of the Evangelical Baptist in historical research and substantiates the choice of a term that most appropriately reflects the genesis, evolution, and confessional identity of the movement within the context of the religious history of Belarus. It is revealed that a distinctive feature of the nomination of Protestant movements is the multiplicity of approaches. It is established that in academic and socio-political discourse, the terms «sect», «late Protestantism», «neo-Protestantism», and «new religious movements» are used to describe the Evangelical Baptist. It is concluded that for historical research examining the genesis, evolution, and institutional formation of the Evangelical Baptist in Belarus in the 19th–21st centuries, the most relevant term is «late Protestantism». It captures the place of Evangelical Baptist in the historical development of Protestantism, designates the chronological framework of their emergence (17th–19th centuries), has no evaluative connotations, and allows for a distinction to be made between the Evangelical Baptist, neo-Protestantism, and new religious movements of the late 20th century. This term ensures scientific objectivity and takes into account the dynamics of the institutional development of the Evangelical Baptist from a sectarian form to a denomination.

Keywords: Belarus; late Protestantism; neo-Protestantism; new religious movements; Evangelical Baptists; sect.

Acknowledgements. The study was carried out with financial support of the Belarusian State University (grant of the rector of Belarusian State University for 2023–2026).

Введение

Современная конфессиональная структура Беларуси характеризуется деноминационным разнообразием при доминировании православия как в организационном, так и в идентификационном аспекте. Согласно данным Института социологии НАН Беларуси в 2021 г. православными считали себя более 75 % жителей страны [1, с. 273]. На 1 января 2024 г. в республике зарегистрированы 25 конфессий и религиозных направлений, к которым относятся 13 протестантских направлений¹, представленных 1038 религиозными общинами. В число конфессий и религиозных направлений, распространенных на территории Беларуси, также входят евангельско-лютеранская, реформатская и пресвитерианская церкви, евангельские христиане и бап-

тисты, христиане веры евангельской, адвентисты седьмого дня, христиане веры апостольской, появившиеся в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Кроме того, с начала 1990-х гг. в Беларуси действуют протестантские организации, возникшие на волне религиозной трансформации постмодерна, – христиане полного Евангелия, новоапостольская церковь и др.

Научное изучение процесса появления и развития в Беларуси евангельско-баптистского движения, доминирующего в структуре белорусского протестантизма и имеющего 150-летнюю историю (первые сведения о наличии евангельских христиан и баптистов относятся к 1875 г.)², требует систематизации научной терминологии. Особенностью

¹Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь // Уполномоченный по делам религий и национальностей : сайт. URL: <https://belarus21.by/Articles/1439296790> (дата обращения: 22.02.2026).

²Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 796. Оп. 164. Д. 1415. Л. 34 ; Там же. Ф. 797. Оп. 94. Д. 62. Л. 5.

номинации протестантских течений является множественность подходов: номинация на основе анализа исторического развития протестантизма как конфессии (в рамках религиоведческих и исторических исследований), номинация на основе степени развития и взаимодействия протестантских течений с обществом (в сектоведении), номинация на основе их общественно-культурной оценки (в общественно-политическом дискурсе). На данный момент в научном дискурсе практически отсутствует универсальная методология классификации протестантских движений; в рамках исторических, религиоведческих, сектоведческих и правовых исследований вопроса номинации евангельских христиан и баптистов применяется дифференцированный подход: евангельско-баптистское движение рассматривают как секту [2, с. 62], протестантское (позднее протестантское) движение³ [3–7], неопротестантизм, новое религиозное движение⁴ [2]. В существующих классификациях, как правило, фиксируются теоретические типологии (классический протестантизм – поздний протестантизм, церковь – деноминация – секта, новые религиозные движения (НРД) и др.), но при этом не анализируется вопрос о том, какой термин является наиболее релевантным для исторических исследований евангельско-баптистского движения на разных этапах его развития. Таким образом, недостаточно проработанным остается вопрос соотношения религиоведческих типологий (прежде всего концепций секты, НРД и позднего протестантизма) с практикой исторического описания евангельско-баптистского движения в Беларуси XIX–XXI вв. Уточнение понятийного аппарата и его применение в исторических исследованиях оказывают влияние на интерпретацию истории взаимоотношений государства, традиционных церквей и позднепротестантских общин в Беларуси. В связи с этим целью настоящей статьи являются систематизация терми-

нологии, используемой в отношении белорусских общин евангельских христиан и баптистов, и определение релевантного для исторических исследований термина. В целях достижения данной цели рассмотрены классификации протестантских движений на основе генетического и конфессионального подходов; реконструирована эволюция употребления термина «секта»; оценена возможность применения в исторических исследованиях социологической и сектоведческой терминологии.

Методологическая основа изучения номинации евангельско-баптистского движения в исторических исследованиях включает следующие компоненты: 1) принцип историзма, который позволил рассмотреть это движение в конкретно-историческом контексте (в период со второй половины XIX по XXI в.) с учетом изменений его институциональных форм, правового положения и общественного восприятия; 2) принцип историко-генетической периодизации, на основе которого проанализирован процесс исторического развития протестантизма, определены его этапы развития и типологические черты (на основе генетического и конфессионального подходов). Эволюция евангельско-баптистского движения со второй половины XIX по XXI в. обусловила необходимость применения принципа динамической (процессуальной) классификации, который позволил рассмотреть возможность применения терминов в ходе исторического развития данного движения. Для анализа терминологии социологии религии и сектоведения использован метод компаративного анализа социологических и религиоведческих концепций. Таким образом, применение системного и междисциплинарного подходов позволило выявить, какая терминология в отношении евангельско-баптистского движения является наиболее релевантной для исторических исследований.

Евангельско-баптистское движение в структуре протестантизма: классификационный аспект в религиоведческих и исторических исследованиях

Протестантизм (лат. *protestans* – публично доказывать) как религиозное течение сформировался под влиянием европейской религиозной практики начала XVI в. в рамках католической церкви и требований реформирования христианского миропонимания. Основой протестантского вероучения стали взгляды М. Лютера на веру как на основу спасения, каноничность Священного Писания

как завершеного Божьего Откровения, внимание к духовной практике личного богопознания, признание в качестве таинств крещения и евхаристии, уход от формализованной культовой практики и др. Под влиянием М. Лютера и Реформации в Европе на протяжении XVI в. был сформирован ряд протестантских направлений (лютеранство, кальвинизм, цвинглианство, англиканство), которые

³Балтрушэвіч Н. Г. Пратэстанцкія арганізацыі БССР у 1944–1985 гг. : структура, формы дзейнасці, узаемаадносіны з дзяржавай : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск, 2010. 27 с. ; Безносова О. В. Пізні пратэстанцкае сектанцтва Півдня України (1850–1905 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. Дніпропетровськ, 1997. 27 с. ; Опры І. А. Становішча та діяльність пізньопротестантських громад Правобережної України в 1900–1917 рр. : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. Київ, 2006. 21 с. ; Любащенко В. І. Історія протестантизму : курс лекцій. Львів : Просвіта, 1995. 350 с. ; Круглов А. А. История религий : пособие. Минск : БГУ, 2015. 407 с.

⁴Сушко В. В. Эволюция взаимоотношений государства и неопротестантских организаций в условиях реформирования религиозного законодательства Беларуси (1985–2010 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 2015. 25 с.

дали толчок развитию анабаптизма, меннонитства, антитринитаризма, социнианства. Дальнейшая революция протестантизма привела к зарождению в рамках существующих протестантских церквей отдельных течений: баптизма (радикальное крыло пуританизма, возникшее в Англии в XVII в.), методизма (течение Англиканской церкви, отделившееся в конце XVIII в.), дарбизма (фундаменталистское направление Англиканской церкви в Англии и Ирландии, которое выделилось в первой половине XIX в.). Диверсифицированная структура протестантизма формировалась также за счет появления в протестантской среде новых течений: адвентизма (эсхатологическое течение в США, руководители которого отделились от баптизма в конце XIX в.), штундизма (пиетистское направление в среде немецких лютеранских и реформатских общин России, зародившееся во второй половине XIX в.), пятидесятничества (течение в среде методистских и баптистских общин США, возникшее в начале XX в.) и др. Таким образом, учитывая то, что протестантизм зародился в рамках христианства как движение за реформирование католической церкви, и то, что он имеет сформированные вероучительные основы и сложную структуру, под протестантизмом следует понимать разновидности христианской традиции, которые появляются и развиваются за границами католицизма и православия, а также имеют общие генетические и вероучительные связи.

В Беларуси развитие протестантизма шло в тесной связи с общеевропейскими процессами. В связи с этим исторический путь протестантизма в Беларуси характеризуется наличием двух этапов. На первом этапе (XVI–XVII вв.) произошли распространение общеевропейских движений лютеранства, кальвинизма, антитринитаризма, социнианства и становление в Беларуси евангельско-лютеранской и евангельско-реформатской церквей. На втором этапе (вторая половина XIX – начало XX в.) в религиозной структуре Беларуси появились штундобаптизм (1870-е гг.), евангелизм (конец XIX в.), адвентизм (начало XX в.), методизм, дарбизм и пятидесятничество (1920-е гг.) [8, с. 9–19].

Следует отметить, что онтологическое родство штундобаптизма с традиционным протестантизмом было установлено православными ведомствами при экспертизе вероучительных основ новых общин уже в конце XIX в. Так, в 1896 г. Витебский окружной суд при рассмотрении дела крестьян Якова Пуреня, Петра Зегера, Юрия Воргуля, обвиненных в принадлежности к баптизму и совращении православных жителей Люцинского уезда, пришел к выводу о том,

что баптизм по своему происхождению и вероучительным основам представляет собой учение, возникшее в XVII в. на почве протестантизма, и является формой его дальнейшего развития. В экспертизе отца Лепина указано, что баптизм представляет собой крайнюю форму протестантизма, возникшего в XVII в. В кассационном протесте помощника прокурора Витебского окружного суда, поданном в Уголовный кассационный департамент Правительствующего сената, уточнялось, что баптизм относится к сектам рационалистического характера протестантского толка⁵. Согласно решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената от 27 сентября и 11 октября 1897 г. баптизм был признан сектой, относящейся к «терпимому инородному исповеданию на почве христианского»⁶.

В современном научном дискурсе разнообразие и продолжающийся процесс деноминационного развития протестантизма выводят вопрос о классификации его течений на первый план. Проблема корректного определения круга классифицируемых движений, множественность выбора оснований классификации и определения сущностных признаков этих движений ведут к формированию разных подходов⁷ [5; 7]. Наиболее распространенными в историческом и религиозном дискурсах для анализа структуры протестантизма являются конфессиологический (анализ догматических, канонических и литургических признаков) и генетический (онтологическое отождествление и установление общности происхождения) подходы. Так, в рамках генетического подхода протестантизм рассматривается как совокупность родственных движений, наделенных своеобразными доктринальными, нормативными и культовыми характеристиками, возникших и развившихся в ходе Реформации и после нее вследствие расхождения с церковной традицией католицизма. С точки зрения конфессионального подхода институциональное разнообразие протестантизма и отсутствие у него единого организационного центра компенсируются наличием общей вероучительной основы.

В большей части исторических и религиозных работ отечественных исследователей и исследователей постсоветских стран при определении структуры протестантизма используется ретроспективно-компонентный подход как разновидность генетического подхода. Применение данного подхода позволило создать классификацию протестантских движений на основе хронологического и генетического признаков, выделить в структуре протестантизма классические (ранние) и поздние течения.

⁵РГИА. Ф. 1363. Оп. 6. Д. 2260. Л. 2–4.

⁶НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37028. Л. 22.

⁷Любашенко В. И. История протестантизму... 350 с.; Круглов А. А. История религий... 407 с.; Радугин А. А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: курс лекций. М.: Центр, 2000. 240 с.; Старостенко В. В., Дьяченко О. В. Религии в современной Беларуси: пособие. Могилёв: Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2012. 191 с.

В рамках данного подхода наиболее дискуссионным вопросом является определение времени возникновения течений. К ранним течениям протестантизма отнесены сформированные в XVI в. общеевропейские движения (кальвинизм, лютеранство, англиканство, антитринитаризм, социнианство), к поздним течениям протестантизма – зародившиеся в постреформационный период (XVII–XVIII вв.) на основе классических движений и пиетизма меннонитство, баптизм, методизм, штундизм, а также возникшие в период с XIX по начало XX в. евангельское христианство, адвентизм, пятидесятничество и др.⁸ [5].

Появление в 1970–80-х гг. новых протестантских течений и организаций связано с развитием в рамках протестантской теологии направлений, представители которых (теологи Рейнгольд и Ричард Нибуры, П. Тиллих и др. (1930-е гг., США), К. Барт, Э. Бруннер (период после Первой мировой войны, Европа)) выступали с критикой либерального христианства и предлагали модернистские идеи⁹. На основе модернистских теологических идей был образован ряд организаций протестантского направления, отнесенных в философском и теологическом дискурсах к неопротестантизму [9]. По мнению А. К. Погасия, характерными чертами неопротестантизма как направления протестантской теологии и деномина-

ционной структуры являются его внутренняя разнородность, наличие только частично разработанной догматики вероучения, высокая степень влияния харизматичных лидеров [10, с. 113]. Следует отметить, что протестантские течения данного толка появились в Беларуси только в начале 1990-х гг. Однако в большинстве религиозных работ и в отдельных исторических исследованиях термин «неопротестантизм» используется без концептуальной разработки терминологического аппарата. В связи с этим часто происходит смешение понятий «неопротестантизм», «новый протестантизм» и «новые религиозные движения». Кроме того, в ряде исследований наблюдается экстраполяция термина на поздние протестантские движения на основании того, что большинство неопротестантских организаций образовались на их базе (например, неопятидесятничество возникло на основе пятидесятнических организаций). В результате к неопротестантским движениям часто относят как течения, возникшие в 1970–80-х гг. на основе модернистской теологии, так и евангельско-баптистские движения, вероучительные особенности которых были сформированы задолго до второй половины XX в.¹⁰ Применение этого термина в отношении баптизма XIX – первой половины XX в. приводит к хронологической и содержательной ошибке.

Эволюция использования термина «секта» в отношении позднего протестантизма в общественно-политическом дискурсе и научных исследованиях

Практика квалификации штундобаптистских общин как сектантских относится к периоду их появления на территории Российской империи, в том числе белорусских губерний, во второй половине XIX – начале XX в. [11, с. 11]. Термин «сектанты» стал использоваться с конца XVIII в. для именованья ересей (духоборов, молокан и т. д.), а также появившихся позднее толстовцев, меннонитов, баптистов, пашковцев и адвентистов [12]. В то же время понятие «сектантство» во второй половине XIX – начале XX в. не имело современного социологического содержания и не служило классификации религиозных групп по сущностному и институциональному параметрам. Определяющим для сектантства являлось отделение от православия как от духовной и национально-религиозной основы, которое привело к наложению термина «сектантство» на термины «ересь», «раскол» и обусловило восприятие новых религиозных учений в религиозном и общественно-политическом дискурсах как оппонирующих уче-

нию православной церкви и предлагающих альтернативный путь к спасению. Наполнение понятия «секта» значениями нравственного и богословского расхождения с православной церковью, религиозной и политической вредности было закреплено в российском законодательстве, которое было призвано защищать главенствующую православную церковь путем преследования «заблуждений» в виде раскола и ересей [13, с. 105]. В декабре 1842 г. указом Священного синода в соответствии с догматическими и экклесиологическими критериями, характеризующими степень отступления от учения и канонов православной церкви и христианства в целом, а также по политическим и нравственным причинам секты были разделены на три категории: 1) вреднейшие секты; 2) вредные секты; 3) менее вредные секты [14, с. 152]. Отделение «О ересь и расколах» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных предусматривало ответственность за соращение в ереси, расколы и создание новых, повреждающих

⁸Любашенко В. И. История протестантизма... 350 с. ; Круглов А. А. История религий... 407 с. ; Радугин А. А. Введение в религиоведение... 240 с. ; Старостенко В. В., Дьяченко О. В. Религии в современной Беларуси... 191 с.

⁹Философский словарь / А. И. Абрамов [и др.] ; под ред. И. Т. Фролова. М. : Республика, 2001. С. 294–295.

¹⁰Сушко В. В. Эволюция взаимоотношений государства и неопротестантских организаций в условиях реформирования религиозного законодательства Беларуси (1985–2010 гг.)... 25 с.

веру сект в связи с тем, что субъектом воздействия являлись православные граждане (например, ст. 189 определяла наказание за проповедь учения еретической секты или раскольнического толка, ст. 196 определяла наказание за хулу против православной церкви и соблазнение православных христиан в штундистскую ересь). Стоит отметить, что в законодательстве термины «ересь», «раскол» и «секта» использовались тождественно. В комментариях к отделению «О ересях и расколах» было изложено мнение Правительствующего сената, согласно которому критерием различия ересей и расколов в законодательстве является степень их вреда. В результате секты разделялись на следующие категории: 1) секты, повреждающие веру, но менее вредные в гражданском отношении (ст. 196); 2) секты, особенно вредные как в отношении к охранению веры, так и в гражданском отношении (ст. 197); 3) секты, соединенные со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь или же с противонравственными гнусными действиями (ст. 203)¹¹.

Попытка выйти за рамки негативного содержания термина «сектантство» была предпринята в рамках религиозных реформ 1905–1906 гг. В именном высочайшем указе «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» от 17 октября 1906 г. разделены раскольнические учения и сектантские общины, а сектанты определены как группы, отделившиеся от православной церкви¹². В то же время термин «отпавшие от православия» имел значение вычленения из аутентичного религиозного поля страны чуждых религиозных элементов – НРД, к которым и были отнесены позднепротестантские движения. В Проекте отлучения и осуждения учения сектантов, разработанном VI отделом Предсоборного присутствия для Поместного собора в 1906 г., в качестве определяющих сектантство признаков были указаны догматические и экклесиологические расхождения с учением православной церкви [12]. В издании «Справочник по ересям, сектам и расколам» (1913) С. В. Булгакова также прослеживается условное разделение термина «секта» (организованное общество людей, взгляды которых согласуются между собой и противостоят господствующей церкви) и термина «ересь» (понятие, характеризующее сущностное содержание учения) [15]. Данные подходы были сохранены и при разработке методологических аспектов изучения сектантства в рамках новой богословской дисциплины «сектоведение» [16; 17].

Так, в работах дореволюционных сектоведов (А. Дородницын, Д. Грацианский, К. Плотников) секта характеризовалась замкнутостью, высокой степенью консолидации и отделенностью от господствующей церкви, что имплицитно вело к восприятию сектантства через парадигму «свой – чужой» и закрепляло за термином негативную коннотацию [18–20].

В советском законодательстве не использовалась негативная терминология как в отношении религии в целом, так и в отношении религиозных акторов, применялись термины «религиозные общества» и «религиозные объединения» в отношении всех исповеданий. Однако в общественно-политическом дискурсе евангельско-баптистские, адвентистские, пятидесятнические и иные религиозные течения сохранили номинацию «сектантство» с отрицательным содержанием. Так, в ноябре 1922 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) определила две категории сектантов: 1) лояльные к советской власти молокане, духоборы, штундисты; 2) контрреволюционные, склонные к буржуазной реставрации или анархо-мещанству толстовцы, баптисты, евангелисты и т. д.¹³ Советские социологи вели научное изучение сектантства как феномена религиозной жизни, разработку его методологического и понятийного аппарата через призму идеологии коммунистической партии и марксистско-ленинского подхода. Формирование к концу 1920-х гг. политического отношения к баптистам, евангельским христианам, пятидесятникам и представителям других религиозных течений как к классовому врагу определило закрепление негативного содержания термина «сектантство», транслируемого в советской социологии [21–24]. Наиболее четко характерные черты сектантских групп, порожденных борьбой с религиозными институтами господствующего класса, сформулировал А. И. Клибанов. К таким чертам он отнес исключительность, нетерпимость друг к другу, соперничество, страстную полемичность, самоутверждение путем отрицания всего, находящегося вне принятого круга мысли и деятельности [25, с. 5].

Таким образом, несмотря на нейтральность термина «сектантство» в 1906–1917 гг. и в советский период, отношение к евангельско-баптистскому движению как к сектантскому в период существования Российской империи и советский период в церковном и общественно-политическом дискурсах имело крайне негативный характер. Отрицательное отношение до 1917 г. выражалось в позиции Русской православной церкви, воспринимавшей сектантство в целом как угрозу русской государственности и посягательство на интересы православной церкви.

¹¹Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / сост. Н. С. Таганцев. СПб. : Гос. тип., 1908. 959 с.

¹²Именной высочайший указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 3. СПб. : Гос. тип., 1909. Т. 26 : 1906. Отд-ние 1. С. 905–914.

¹³Рос. гос. арх. соц.-полит. ист. (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 55. Л. 161.

Советские власти, в свою очередь, с конца 1920-х гг. определяли позднепротестантские (сектантские) общины как аппарат агитации и пропаганды капиталистических элементов и классово чуждых врагов¹⁴. Таким образом, понятие «секта» было наполнено негативным содержанием в церковном и общественно-политическом дискурсах как в догматическом плане (период до 1917 г.), так и в идеологическом плане (советский период). Сегодня длительная история негативного значения термина делает сложным его восприятие в качестве нейтрального в рамках объективного исторического анализа.

Современное содержание термина «секта», используемого в религиоведческих и сектоведческих исследованиях, основано на разработанной М. Вебером и Э. Трёльчем концепции религиозной стратификации секта – церковь [26, с. 273; 27]. Секта, по мнению М. Вебера, характеризуется рядом институциональных и социологических параметров: небольшим размером, высоким уровнем сплоченности и нравственной дисциплины, наличием испытательного срока для членства, равноправием, ощущением избранности и своеобразным кастовым высокомерием адептов [28, с. 267]. Однако в самой парадигме «секта – церковь» заложена возможность организационной и вероучительной эволюции секты под влиянием успешности деятельности, длительности существования и роста количества членов¹⁵. Введенное Р. Х. Нибуrom, Г. Беккером, Д. Мартином понятие «деноминация», которое означает переходную форму в системе культ – секта – деноминация – церковь, определяет возможность, способности и формы продвижения религиозных акторов в стратификационной системе. В качестве характеристик трансформационных процессов выступают показатели эволюции от локальных закрытых групп до разветвленной организационной структуры, способы интеграции этих групп и социума, методы взаимодействия с ним [29–31]. Таким образом, термин «секта» прежде всего характеризует этап развития и тип религиозной организации; он используется в классификациях религиозных групп по признакам организационной структуры и позиции в обществе [31, р. 624–642].

При использовании термина «секта» в отношении евангельско-баптистского движения в истори-

ческих исследованиях следует принимать во внимание несколько аспектов. Во-первых, со второй половины XIX в. данный термин имеет негативную коннотацию, опирающуюся на противопоставление сектантства господствующей церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.), атеистической идеологии государства (1917 г. – конец 1980-х гг.), традиционной религиозности (1990-е гг. – современный этап). Соответственно, в целях обеспечения научной объективности при изучении процесса развития религиозных движений следует избавляться от оценочной терминологии: в исторических исследованиях важен контекст их возникновения и развития.

Во-вторых, в связи с разным содержательным наполнением термина «секта» во второй половине XIX – начале XX в. и на современном этапе его использование в историческом контексте Беларуси второй половины XIX – начала XX в. уместно при анализе политико-правового и общественного положения евангельско-баптистского движения (его сущностного содержания в данный период с точки зрения догматического и экклесиологического расхождения с учением православной церкви, оппозирования ему).

В-третьих, несмотря на наличие у евангельских христиан и баптистов во второй половине XIX – начале XX в. характерных черт сектантства [2, с. 47; 32, с. 73], исследователи фиксируют постепенный переход данных движений из категории «секта» в категорию «деноминация» (современный этап)¹⁶. Со второй половины XIX в. изменились организационная структура движения, характер его взаимодействия с социальными институтами, общностями и другие параметры. Соответственно, при использовании социологического термина «секта» в отношении этого движения не учитываются трансформационные процессы и не отражается его развитие в рамках парадигмы «церковь – деноминация – секта». В связи с этим применение данного термина в исторических исследованиях оправдано при изучении того этапа развития евангельско-баптистского движения, в рамках которого ему был свойствен определенный уровень институционального развития. В таком случае применение социологической терминологии будет релевантно поставленной цели.

Евангельско-баптистское движение в контексте понятий «нетрадиционная религиозность» и «новые религиозные движения»

В современном религиоведении распространена практика разделения религий на традиционные и нетрадиционные¹⁷. К традиционным религиям относят религиозные системы, укоренившиеся в куль-

туре определенной территориально-национально-этнической общности и, как следствие, определившие национальный менталитет, традиции духовной культуры, а также сыгравшие значимую роль

¹⁴РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26.

¹⁵Любащенко В. И. История протестантизму... 350 с.

¹⁶Шкурова Е. В. Развитие межконфессиональных отношений в Республике Беларусь: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01. Минск, 2008. 20 с.

¹⁷Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси: пособие для рук. учреждений образования, педагогов, воспитателей / ред. и сост. А. И. Осипов. Минск: Беларусь, 2000. 255 с.

в процессе государственного строительства. Соответственно, религиозные течения, не имеющие длительной истории присутствия в конкретной стране и не обладающие культурообразующим статусом, относят к нетрадиционным. Советский и российский религиовед Е. Г. Балагушкин определяет их как нетрадиционное типологическое явление иной религиозности, радикально отличающейся от традиционной для данного общества в конкретный исторический период [33, с. 17]. В рамках существующих подходов к определению традиционности предлагаются разные квалификационные критерии: хронологический критерий (по времени присутствия на территории), количественный критерий (по масштабу), цивилизационный критерий (по степени влияния на культуру и духовность) и др. По мнению В. А. Мартиновича, в рамках узкосоциологического подхода характеристики нетрадиционной религиозности раскрываются в концептах культа, секты и деноминации [2, с. 41].

В целях разграничения традиционных и нетрадиционных религиозных объединений и избегания негативного восприятия терминологии нетрадиционности и сектантства в 1960-х гг. было предложено использовать термин «новые религиозные движения» как нейтральный синоним понятия «секта»¹⁸ [34, с. 154]. Данный термин изначально применялся к религиозным организациям, появившимся после Второй мировой войны¹⁹ [35, с. 14; 36, с. 133]. Определяющая характеристика данного термина («новые») затрагивает как хронологический (время их возникновения), так и качественный (сущностные отличия от традиционных религий) аспект НРД. Рассмотрение первого аспекта предполагает изучение вопроса временных рамок и наличия длительного исторического бэкграунда движения в иных регионах при непродолжительном его присутствии в определенном государстве. Одни исследователи в качестве критерия новизны движений рассматривают временную границу середины XX в., другие исследователи – 200-летнее присутствие в религиозном поле государства [37, с. 6–14]. В то же время не принимаются во внимание теологические и институциональные аспекты, а также остается открытым вопрос о целесообразности отнесения к НРД групп, возникших в XIX в. и ранее.

Индуктивный подход к определению сущностной новизны религиозных движений основан на их противопоставлении доминирующей религиозной традиции (вероучению, религиозной практике и др.). Однако в рамках данного подхода существует проб-

лема нахождения универсального параметра, присущего всем НРД. Предложенный Л. И. Григорьевой принцип отнесения к НРД движений, предлагающих новые, инновационные вероучительные идеи и практики, не свойственные религиозным традициям конкретного общества, довольно релевантно отражает сущностную характеристику новой религиозности в ее противопоставлении традиционной [38, с. 60].

Комплексная характеристика НРД предложена О. В. Дьяченко, который определяет НРД как многообразное, отличающееся исключительной динамичностью развития, религиозно-догматической эластичностью и эклектизмом духовное явление XIX–XX вв., отмечая, что религиозные движения данного типа появились в Беларуси только в 1970-х гг., а наибольшее распространение получили с 1990-х гг.²⁰ Данное мнение придерживается и часть российских социологов, которые указывают, что в России НРД появились только в начале 1990-х гг. [39, с. 95].

В конце 1990-х гг. ученые Института философии НАН Беларуси ввели в научный оборот термин «неокульты», синонимичный понятию «новые религиозные движения». Сущностный подход к определению нетрадиционных религий и культов, предложенный белорусскими религиоведами Е. С. Прокошиной, Т. П. Короткой и И. Ф. Рекуцем, позволил исследователям выделить их характерные черты: адогматичность, эклектичность, отсутствие жесткой связи между системой вероучительных принципов, системой культовых предписаний и обрядов, а также морально-этическими принципами, отсутствие эклисиологического догмата и, соответственно, наличие специфической структуры управления²¹ [40, с. 31]. В целом позиции Е. С. Прокошиной, Т. П. Короткой, И. Ф. Рекуца согласуются в понимании множества НРД: к категории НРД и неоекультов исследователи относят религиозные движения неохристианского происхождения (псевдохристианские движения), неоориенталистского направления, оккультно-мистические движения. Разработкой классификации НРД в белорусском религиоведении и социологии религии занимались также В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, А. В. Гурко, Н. А. Кутузова²² [41; 42]. Следует отметить, что в большинстве белорусских религиоведческих исследований евангельско-баптистское движение не попадает в категорию НРД по классификационным признакам. В частности, В. В. Старостенко и О. В. Дьяченко разделяют понятия «нетрадиционная религиозность» и «новые

¹⁸Мартинович В. А. Введение в понятийный аппарат сектоведения : пособие для студентов Ин-та теологии БГУ. Минск : БГУ, 2008. С. 18 ; Дьяченко О. В. Новые религиозные движения в Беларуси : пособие. Могилёв : Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2011. С. 6.

¹⁹Яблоков И. Н. Религиоведение : учеб. для вузов / под ред. И. Н. Яблокова. М. : Юрайт, 2025. С. 364.

²⁰Дьяченко О. В. Новые религиозные движения в Беларуси... С. 10.

²¹Короткая Т. П. Религиоведение: религии в Беларуси : учеб. пособие. Минск : Белорус. гос. экон. ун-т, 2004. С. 47.

²²Старостенко В. В., Дьяченко О. В. Религии в современной Беларуси... 191 с.

религиозные объединения» (неокульти), выделяя 2 типа нетрадиционной религиозности – НРД и поздние протестантские движения²³.

Отсутствие единой общепризнанной системы определения ключевых понятий нетрадиционной религиозности и НРД отмечает В. А. Мартинович. В качестве проблемы разработки понятийного аппарата он выделяет высокий уровень изменчивости НРД и постоянное появление новых конфигураций религиозных движений, что подвергает испытанию проверенные и обоснованные методы концептуализации феномена [43, с. 97]. Указывая на недостатки методологического аппарата, В. А. Мартинович предлагает относить к НРД такие формы религиозной нетрадиционности, как секты (отколовшиеся от традиционных религий мира религиозные организации) и культы (образовавшиеся в результате радикальной трансформации религиозные организации)²⁴. В связи с этим в категорию НРД включены течения, имеющие инновационный характер учения и практики (неоориенталистские культы, псевдохристианские секты), христианские деноминации и группы (баптизм, пятидесятничество, отдельные римско-католические течения), а также религиозные организации и организации некоммерческого характера (например, организация «Гербалайф»)²⁵ [2, с. 90–122; 36].

Дискуссионный характер соответствия термина «новые религиозные движения» обозначаемым им явлениям религиозной жизни, отсутствие универсальных критериев идентификации НРД, тождественность этого термина понятию «нетрадиционная религиозность», вызванная отсутствием четкого определения качественных характеристик явления, приводят к тому, что в целях разрешения проблемы новизны религиозных новаций некоторые исследователи предлагают руководствоваться узким и ши-

роким подходами к определению НРД. Так, в рамках узкого подхода к НРД относят религиозные группы с синкретическим учением, активизировавшиеся в 1960–70-х гг. в США и Европе (в начале 1990-х гг. в Беларуси и России), а в рамках широкого подхода – религиозные группы, которые возникли задолго до середины XX в. и тяготеют в своих доктринах к уже существующей религиозной традиции [36, с. 134]. Таким образом, баптизм, ведущий свою историю в Европе с конца XVII в., но появившийся на белорусских землях только во второй половине XIX в., в рамках широкого подхода несомненно можно отнести к НРД.

В контексте современного состояния научных религиоведческих исследований наиболее валидным для классификации белорусского евангельско-баптистского движения второй половины XIX – XXI в. является подход белорусских религиоведов В. В. Старостенко, О. А. Дьяченко, Е. С. Прокошиной, Т. П. Короткой, И. Ф. Рекуця, основанный на традиционности, нетождественности роли евангельских христиан и баптистов в формировании традиционной культуры, участии в становлении отечественной социокультурной истории. В рамках данного подхода евангельско-баптистское движение определяется как нетрадиционное для Беларуси, но при этом поздние протестантские движения отделяются от НРД (неокульти, синкретических групп, возникших преимущественно после 1960–70-х гг.). Такая типологизация позволяет выйти за рамки методологического дискурса сущностной и хронологической новизны религиозных движений и задает направление историческим исследованиям (изучение степени влияния евангельско-баптистского движения на культуру и духовность белорусского народа).

Заключение

Таким образом, при номинации евангельско-баптистского движения в Беларуси в контексте его исторического развития со второй половины XIX по XXI в. следует учитывать, что термины «секта», «новые религиозные движения» – это понятия социологии религии, представители которой рассматривают предмет исследования (религиозное сообщество) с точки зрения формы его существования в социуме. Исторические исследования же направлены на изучение религиозных движений в их развитии в конкретно-историческом контексте.

На наш взгляд, для исторических исследований, в рамках которых изучаются генезис, эволюция и институциональное оформление евангельско-баптистского движения в Беларуси со второй половины XIX по XXI в., наиболее релевантными являются

термины «поздний протестантизм» и «позднепротестантские движения», так как они четко фиксируют место евангельско-баптистского движения в исторической периодизации, раннереформационных церквей (лютеранство, кальвинизм), неопротестантских движений и не обладают чертами постмодернистского синкретизма. Данные термины также свободны от оценочности, они позволяют исследователю избежать идеологической ангажированности и сосредоточиться на объективном анализе вероучения, социальной структуры и динамики общин. В то же время эти термины дают возможность рассматривать евангельско-баптистское движение в процессе его трансформации из локальных религиозных групп в виде сект в деноминацию.

²³ Старостенко В. В., Дьяченко О. В. Религии в современной Беларуси... С. 16–17.

²⁴ Мартинович В. А. Введение в понятийный аппарат сектоведения... С. 32.

²⁵ Там же. С. 25.

Библиографические ссылки

1. Балич НЛ. Религиозная идентичность жителей Беларуси в зависимости от типа населенного пункта и конфессиональной принадлежности. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2022;67(3):270–280. DOI: 10.29235/2524-2369-2022-67-3-270-280.
2. Мартинович ВА. *Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Том 1*. Минск: Минская духовная академия; 2015. 62 с. (Монографии Минской духовной академии).
3. Лисовская ТВ. Работа с молодежью в белорусских позднепротестантских общинах (1917–1991). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;4:35–46. EDN: ALMPTQ.
4. Лисовская ТВ. *Поздний протестантизм в Беларуси (конец XIX в. – 1991 г.)*. Минск: Издательский центр БГУ; 2025. 400 с.
5. Сидоренко НС, Буланов СЛ. Протестантизм: опыт классификации. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017;3(часть 3):170–174. EDN: YFMCKV.
6. Яроцкий П. Стан пізнёпротестантських конфесій. *Українське релігієзнавство*. 2008;46:302–331. DOI: 10.32420/2008.46.1931.
7. Гусев ИЕ. *История религий мира*. Минск: Харвест; 2018. 264 с.
8. Лисовская ТВ. Зарождение позднепротестантского движения в Беларуси в конце XIX – начале XX в. *Вестник Омского государственного университета. Серия: Исторические науки*. 2022;9(1):7–18. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).7-18.
9. Лункин Р. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен. *Современная Европа*. 2014;3:133–143. DOI: 10.15211/soveurope32014133143.
10. Погасий АК. Религиозные разделения и межконфессиональное понимание. *Религиоведение*. 2009;2:110–114. EDN: KYRWVK.
11. Данилов АВ, Мартинович ВА. Особенности конфессиональной структуры Республики Беларусь. В: Данилов АВ, редактор. *Посткоммунистическая Беларусь в процессе религиозных трансформаций*. Минск: Адукацыя і выхаванне; 2002. с. 6–13.
12. Конь РМ. *Введение в сектоведение*. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария; 2008. 495 с.
13. Терюкова ЕА. Понятие сектантства в российском вероисповедном законодательстве начала XX в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17, Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2013;4:102–108. EDN: RMWRLP.
14. Бендин АЮ. Старообрядцы и российская веротерпимость в XIX – начале XX в. В: Осипов ВИ, Зиновкина НВ, Соколова ЕИ, Осипова АВ, редакторы-составители. *Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы XI Международной конференции; 11–13 ноября 2014 г.; Москва, Россия. Том 1*. Москва: Музей истории и культуры старообрядчества; 2014. с. 147–160. EDN: MPXDEJ.
15. Булгаков СВ. *Настольная книга для священноцерковнослужителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства*. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской лавры; 1913. Краткие сведения о существовавших и существующих расколах, ересь, сектах, новейших рационалистических учениях и проч. [Справочник по ересь, сектам и расколам]; с. 1592–1745.
16. Варсонофий (Лузин АВ). *Проблема сектоведения как науки*. Казань: Центральная типография; 1914. 18 с.
17. Фетисов НН. *Опыт уяснения основных вопросов науки сектоведения*. Киев: Петр Барский в Киеве; 1914. 26, [2] с.
18. Дородницын А. Основные формы сектантских заблуждений. *Миссионерское обозрение*. 1902;2:225–236.
19. Грацианский Д. Что такое секта вообще и «рационалистическая» и «мистическая» в частности? *Миссионерское обозрение*. 1904;8:971–980.
20. Плотников К. *История и обличение русского сектантства. Выпуск 1*. Санкт-Петербург: Типография И. В. Леонтьева; 1910. 132, IV с.
21. Сокалаў ВГ. *Сектанцтва і яго рэакцыйная сутнасць*. Мінск: Акадэмія навук БССР; 1952. 34, [1] с.
22. Вольфсон СЯ. Сучасныя рэлігійныя настроі на Беларусі. *Полымя*. 1929;10:130–143.
23. Алпеева ТМ. *Сущность и характерные черты идеологии и деятельности религиозного сектантства в Белоруссии*. Минск: Знание; 1985. 21 с.
24. Ленсу МЯ, Прокошина ЕС, редакторы. *Баптизм и баптисты*. Минск: Наука и техника; 1969. 319 с.
25. Клибанов АИ. *Религиозное сектантство в прошлом и настоящем*. Москва: Наука; 1973. 256 с. (Научно-атеистическая литература).
26. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, редактор. Москва: Прогресс; 1990. Протестантские секты и дух капитализма; с. 273–305 (Социологическая мысль Запада).
27. Трельх Э. Социальные учения христианских церквей. В: Гараджа ВИ, Руткевич ЕД, составители. *Религия и общество*. Москва: Аспект Пресс; 1996. с. 226–237.
28. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, редактор. Москва: Прогресс; 1990. Протестантская этика и дух капитализма; с. 61–272.
29. Niebuhr RH. *The social sources of denominationalism*. New York: Meridian Book; 1975. 304 p.
30. Martin DA. The denomination. *British Journal of Sociology*. 1962;13(2):1–14.
31. Becker H. *Systematic Sociology on the basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese*. New York: Wiley & Sons; 1932. 772 p.
32. Новикова ЛГ. *Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект)*. Минск: БГН-информ; 2001. 132 с. (Библиотека социологии).
33. Балагушкин ЕГ. *Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Часть 1*. Москва: Институт философии РАН; 1999. 244 с.
34. Васильева ЕН. «Новые религиозные движения»: понятие и специфика. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2016;1:153–163.
35. Баркер А. *Новые религиозные движения: практическое введение*. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института; 1997. 282 с.

36. Яковлева ЮА. Социологический анализ нетрадиционных религиозных сообществ: теоретико-методологический аспект. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2011;29(2):133–149. EDN: PFCMNH.
37. Данилов АВ, редактор. *Посткоммунистическая Беларусь в процессе религиозных трансформаций*. Минск: Адукацыя і выхаванне; 2002. 130 с.
38. Григорьева ЛИ. *Религии «нового века» и современное государство*. Красноярск: Сибирский государственный технологический университет; 2002. 399 с.
39. Балагушкин ЕГ. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен. *Общественные науки и современность*. 1996;5:90–100.
40. Прокошина ЕС, Короткая ТП, Рекуць ИФ, Титовец АА, Кутузова НА, Дьяченко ОВ и др. *Неокульты: «новые религии» века?* Майхрович АС, редактор. Минск: Четыре четверти; 2000. 240 с. EDN: XXSFAP.
41. Гурко АВ. Новыя рэлігіі. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Рэлігія і царква на Беларусі*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя; 2001. с. 230–231.
42. Кутузова НА. Новые религиозные организации в Беларуси: классификация и причины распространения в молодежной среде. В: Цвилик МВ, составитель; Новицкий ВИ, редактор. *Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь*. Минск: Четыре четверти; 2005. с. 299–306.
43. Мартинович ВА. Методологические проблемы изучения религиозного многообразия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;3:92–102. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-92-102.

Получена 30.03.2026 / исправлена 07.04.2026 / принята 07.04.2026.
Received 30.03.2026 / revised 07.04.2026 / accepted 07.04.2026.